

Э. АНТОНИАДИС-БИБИКУ, А. ГИЙУ

ВИЗАНТИЙСКАЯ И ПОСТВИЗАНТИЙСКАЯ СЕЛЬСКАЯ ОБЩИНА *

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Деревня всегда была обычным местом жительства крестьян, что и определяло их статус. Особенно интересно поэтому сопоставить динамику аграрного производства и демографического развития в обществе, где сельская экономика полностью превалировала.

Одним из факторов, определивших упадок Римской империи, явилось сокращение населения¹. В демографическом ракурсе история среди земноморского мира может быть графически представлена следующим образом: понижение с III по VIII в., горизонтальная прямая линия — с VIII примерно до X в., восходящая кривая — с X до начала XIV в., новое снижение и стабилизация между XIV и XVI вв.² В ряде случаев необходимо в эту картину внести нюансы регионального характера, способные оттенить общую тенденцию: роль рабского труда до VII в.³; распространение цивилизации вширь вплоть до конца X в., отмеченное некоторым демографическим подъемом⁴; демографический кризис, ставший всесторонним в XIV в. и повлекший за собой обнищание деревень и уменьшение их населения, несмотря на приход новых поселенцев, — вот ситуация, которая оставалась неизменной на протяжении всего следующего столетия⁵. Сюда примыкает период возрождения деревни с середины XV вплоть до начала XVII в., которое сочеталось с ее демографическим и экономическим развитием, а к XIX в. относится также заселение низменностей и побережий⁶.

Население, распределение земли, ее обработка, использование продуктов земледелия, структура среды обитания, крестьянское самосознание — таковы темы, определяющие главное направление данного исследования, предпринятого с целью выявления как преемственности, так и переломных моментов в развитии общины.

* Некоторые соображения, сформулированные в этой статье, были частично высказаны в нашем докладе на французско-греческом конгрессе в Афинах 4—7 декабря 1984 г. «Гуманитарные и общественные науки: аграрный мир Средиземноморья». Конгресс организовала французско-греческая Ассоциация по научному и техническому сотрудничеству с участием С. N. R. S.

¹ Jones A. N. M. *The Later Roman Empire*, 284—602. Milan, 1981. Т. 3. P. 1502.

² См.: Journal of Economic and Social History of the Orient. 1975. 1. P. 4.

³ Lemerle P. *Esquisse pour une histoire agraire de Byzance* // RH. 1958. 219. P. 63—65; *Idem*. *The agrarian History of Byzantium*. Galway, 1979. P. 48—51; *Idem*. *Les plus anciens recueils des miracles de Saint Démétrius*. P., 1981. Т. 2. Commentaire. P. 182—187.

⁴ Svoronos N. *Storia del diritto e delle istituzioni* // *La Civiltà bizantina dal IV al IX secolo*. (Università degli studi di Bari: Centro di studi bizantini. Corsi di studi. 1). Bari, 1977. P. 204—210. (Далее: Corsi di studi). *Idem*. *Storia del diritto e delle istituzioni* // *La civiltà bizantina del IX al XII secolo* (Corsi di studi. 2). Bari, 1978. P. 163 sq.

⁵ Laiou-Thomadakis A. E. *Peasant Society in the Late Byzantine Empire: A Social and Demographic Study*. Princeton; N. Y., 1977. P. 223—266; Guillou A. *Economica e società* // *La civiltà bizantina dal XII al XV secolo* (Corsi di studi. 3). Roma, 1982. P. 401, 448—451.

⁶ Antoniadis-Bibicou H. *Villages désertés en Grèce: Un bilan provisoire* // *Villages désertés et histoire économique* (Centre de recherches historiques. VIe séction). P., 1965. P. 108—109.

ВИЗАНТИЙСКАЯ ДЕРЕВНЯ

Деревня обретает свою сущность и характер благодаря земле. Дом, улица, жители существуют на определенном месте и благодаря местным ресурсам. И именно земля силой своего плодородия обеспечивает существование деревни как некоей совокупности факторов материальных и человеческих. Мы привели убедительную, вполне материалистическую дефиницию Г. Рупнеля в поддержку выдвигаемых нами соображений по поводу сельской общины в византийскую и поствизантийскую эпоху на греческих территориях, с учетом и других регионов, принадлежавших к той же цивилизации⁷. Однако сразу же оговорим для себя «пути отступления»: мы не учитываем материальный базис, на котором строилась сама византийская цивилизация, т. е. реальный уровень развития производственной техники в различных частях Римской империи ко времени ее падения.

В так называемую доисторическую эпоху, когда мелкое земледелие было весьма продуктивным и благодаря ему была распахана территория архангелской Греции, мелкий производитель сам изготовлял для себя инвентарь. В классическую римскую эпоху, когда рабы были доминирующей рабочей силой в сельском хозяйстве, именно крупное земледелие обеспечивало прогресс в мелких хозяйствах колоннов: селекцию, мелиорацию, рационализацию, завершая таким образом процесс, начавшийся в обширных областях Ближнего Востока и Карфагена⁸. Из-за скудости этнографических и археологических исследований, проводившихся в рамках сельской округи, мы вплоть до настоящего времени⁹ представляем себе византийский и поствизантийский крестьянский инвентарь исключительно по письменным источникам и памятникам изобразительного искусства, по рисункам в рукописях и изображениям на кости, не позволяющим отделить реальную основу произведения от элементов воображения художника. Это были плуг, серп, коса, двуручный цеп, ручная сажалка, вилы, ярмо (античный *tribolos*), кузнечный горн, гидравлическая мельница и т. д. В целом эти данные относятся к эпохе, от которой сохранились кадастры¹⁰.

Исследования об «аграрной среде» только начаты и представляют собой лишь наброски, возможно, сугубо регионального характера, несмотря на то, что археологические и письменные источники охватывают Сирию, Иорданию, Малую Азию и Восточную Македонию. В IV столетии мы видим удаленные друг от друга, изолированные дома, которые, умножаясь в числе, составляют целостные комплексы, но и в них сами дома всегда расположены отдельно. За исключением церквей, больших или малых, которые всегда были многочисленны, общественные здания встречались очень редко; мы имеем в виду бани, гостиницы, помещения для собраний, именовавшиеся «андронами», которые, кажется, исчезли вовсе уже в IV в. Деревня раннего средневековья, которая мало-помалу укреплялась вплоть до середины VI в., не имела ни рыночной площади, ни места для собраний перед церковью, ни системы улиц; «островки» смежных домов отделялись друг от друга пустырями или кривыми и узкими улочками, а на периферии таких «островков» всегда стояло несколько отдельных домов.

На Ближнем Востоке такая деревня была окружена садами, иногда — огороженными; далее шли пахотные земли, в свою очередь окруженные пастбищами и сенокосами. Индивидуальные участки в этой аграрной зоне часто отделялись каменными оградами или просто межами из камней. Экологический уровень такого поселения очевиден — он зависит от

⁷ Histoire de la campagne française // Collection Terre Humaine. P., 1981. P. 249.

⁸ Parain Ch. Les anciennes techniques agricoles // Outils, ethnics et développement historique (Collection Terrains). 1979. P. 215—223.

⁹ См. ниже, примеч. 17.

¹⁰ Kopstein H. Gebrauchsgegenstände des Alltags in archaologischen und literarischen Quellen. // JÖb. 1981. Bd. 31, T. 1. P. 355—375.

специфики деревни; так, например, в степной зоне сеть водных артерий, несомненно, поддерживалась в хорошем состоянии со времен античности вплоть до эпохи Омейядов¹¹.

Собственно, картина деревни мало изменилась на протяжении столетий, хотя и следует разграничивать, к примеру, в XIV в. деревню концентрическую, «круглую», образованную рядом стоящими домами, окруженную первым кольцом из садов, огородов и виноградников и вторым кольцом из обрабатываемых земель; деревню «длинную», вытянутую вдоль дороги, где возделываемые поля и огороды лежат рядом с домами; наконец, деревню смешанного типа, концентрическую, но такую, где культивируемые земли, принадлежащие к каждому дому (огороды, фруктовые сады, виноградники и т. д.), находятся внутри нее. Главные уголья всех этих деревень располагались на более или менее значительном расстоянии от центра. Между деревнями встречались и свободные территории: в дальнейшем они часто становились объектами споров¹².

Рассмотрение семантики слов, обозначающих деревню, с нашей точки зрения, позволяет выяснить ту роль, которую играла сельская община в византийском мире. Общая динамика социально-экономического развития представляется следующей: вплоть до VII в. город античного типа остается административным и экономическим центром, сельская местность ему подчинена (деревня¹³, большая или малая, именуется *komé*). Далее, вплоть до XI в., происходит свободная аграризация сельской местности, устанавливается новое равновесие между возникшими городами и деревней, сельская община играет определяющую роль; со второй половины XI в. господствует крупная собственность, но сельская община вплоть до распада империи в два последних столетия ее существования с успехом противится захватам и попыткам подчинения. Термин *chorion* заменяет в X в. античный термин *komé*. Существительное *chorion* в раннюю эпоху соответствовало латинскому понятию *fundus*, обозначая определенный земельный участок (почти то же, что и французский *finage*). По существу это была абстракция, служившая для выражения некоего экономического и юридического единства, включавшего сельское поселение или без такового. Это значение термина сохранилось до конца империи, но мало-помалу, при посредстве публичного права, особенно — во всех случаях, связанных с правом собственности, он приобретал фискальный смысл, пока не стал главным обозначением места жительства. Влияние сельской общины в экономической и административной жизни империи возросло, а ее былая зависимость от города исчезла.

Такая деревня, населенная собственниками разных категорий, была окружена изолированными хуторами (*kteseis*), принадлежавшими богатым крестьянам, небольшими участками, на которых жили земледельцы, покинувшие деревню для того, чтобы жить поближе к своим полям (*agridia*), и, наконец, более значительными поместьями (*proasteia*), где жили и рабы, и наемные сельские работники, и парики (зависимые крестьяне), не имевшие земли и ютившиеся в хижинах (*kalybai*)¹⁴.

¹¹ *Tate G.* Assetto del villaggio // *La cultura bizantina. Oggetti e messaggio* (Corsi de studi. 6) (в печати).

¹² *Svoronos N.* La vita in villaggio // *Ibidem* (в печати).

¹³ *Lemerle P.* Esquisse pour une histoire agraire de Byzance. P. 257—265; *Svoronos N.* Recherches sur le cadastre byzantin et la fiscalité aux XIe et XIIe siècles: Le cadastre de Thèbes // *BCH.* 1959. 83. P. 141—144; *Guilou A.* Des collectivités rurales à la collectivité urbaine en Italie meridionale byzantine (VIe—XIe siècles) // *BCH.* 1976. 10a. P. 320; *Idem.* Culture et société en Italie byzantine (VIe—XIe siècles). L., 1978. N XIV; *Dagron G.* Entre village et cité: la bourgade rurale des IVe—VIIIe siècles en Orient // *Kolonia.* 1979. 3. P. 29—52; *Kaplan M.* Quelques remarques sur les paysages agraires byzantins (VIe siècle—milieu XIe siècle) // *RN.* 1980. 62. P. 156—159; *Idem.* Les villageois aux premiers siècles byzantins (VIe—Xe siècles): Une société homogène? // *BS.* 1982. 43. P. 202—217; *Oudaltsova Z. V., Chvostova K. V.* Structures sociales et économiques dans la Basse-Byzance. XVI. Intern. Byzantinistenkongress. Akten. 131 // *JÖB.* 1981. Bd. 31. 1. P. 131—147.

¹⁴ *Dölger Fr.* Beitrage zur byzantinischen Finanzverwaltung, rééd. Hildesheim, 1960; *Lemerle P.* Esquisse. . . P. 257—265; *Svoronos N.* La vita in villaggio. . .

Какова была структура деревни во всем ее разнообразии? Ее главным элементом являлся дом, служивший и непосредственно жилищем, и местопребыванием определенной социальной группы. Ведь деревня может быть охарактеризована как объединение семей собственников или владельцев возделываемых ими земель, образующих в совокупности своей автономные сообщества. Их главные социальные антагонисты — это крупные собственники, которые пытаются присвоить значительную часть земель, а также сборщики налогов. Обитатели деревень живут большими семьями, состоящими из ряда супружеских пар. Жилища этих семей огорожены. Отдельные семьи имеют свой колодец и свой давяльный пресс, пройти к которым снаружи можно через центральный двор. Под руководством матери, которая состоит в законном браке, семья образует элементарное сообщество юридически правомочных лиц, представленное во всех юридических актах. К примеру, в середине XI в. в византийской Италии 14 членов семьи Пресвитеранов владели обрабатываемыми каждым из них участками земли семейного имения, образовавшегося на полтора столетия раньше: исключение составляла лишь одна парцелла, полученная одиноким наследником, самостоятельно платившим налог; в дальнейшем ее перedelили. Распределение семейного домена оставалось неизменным¹⁵.

Семейное владение византийского крестьянина было незначительным по размерам; в среднем — от 60 до 120 модиев (5,6—11,2 га) в зависимости от качества земли; доход составлял при этом 70 номисм. Владение всегда было расплывлено на множество мелких участков, клочков пахотной земли, виноградников с фруктовыми деревьями или без таковых, огородов, садов, пастбищ, часто весьма отдаленных друг от друга. Участки были разбросаны так же, как и в хозяйствах крупных собственников, если не больше, причем не только в рамках хозяйства одного держателя. Часто в пределах чересполосно лежавших участков крестьян и имений соседних собственников смешивались права тех, кто владел пахотной землей, но не владел виноградником или фруктовыми деревьями, или наоборот, причем владельцами могли выступать представители знати, чиновники, парики или свободные крестьяне. Однако и семьи париков далеко не все являлись держателями земли; многие не имели полей и работали по найму на земле собственника. Виноградники, сады и огороды очень редко упоминаются в фискальных документах, вероятно, потому, что большей частью не облагались налогами, так как в большинстве случаев являлись собственностью крестьян. Что касается земли, то обычно в их собственности находилась лишь небольшая ее часть, в то время как значительно большая не была поделена и принадлежала непосредственно крупному собственнику. Она обрабатывалась главным образом париками, зависимыми от него и имевшими слишком мало земли или же вовсе лишенными ее. Гораздо меньшая часть земли обрабатывалась посредством барщины теми же крестьянами, челядью собственника либо сельскохозяйственными работниками. Парики должны были нести барщину не свыше 24 дней в год; аграрная экономика империи в поздний период не знала рабского труда¹⁶.

Каков был инвентарь крестьянина, что известно о византийском сельском ремесле? Недавние исследования эволюции орудий труда на Балканах от средневековья и до конца доиндустриальной эпохи¹⁷ выявили

¹⁵ *Guillou A.* Notes sur la société dans le katépanat d'Italie // МАН. 1966. 78. P. 453; эту статью см. также: *Idem.* Studies on Byzantine Italy. L., 1970. N XIII; *Idem.* L'habitat nell'Italia bizantina // Atti del colloquio intern. di archeologia medievale (1—74). Palermo, 1976. P. 169—183; эту статью см. также: *Idem.* Culture et société en Italie byzantine. VI—XIe siècles L., 1973. N V; *Idem.* Le système de vie enseigné au VIIe siècle dans le monde byzantin // Settimane di studio del Centro italiano di Studi sull'alto medioevo 1972. 1973. 20. P. 360—369.

¹⁶ *Ostrogorsky G.* Pour l'histoire de la féodalité byzantine. Corpus Bruxellense historiae byzantinae. Subsidia I. Bruxelles, 1954. P. 296—299.

¹⁷ *Les Outils dans les Balkans du Moyen Age à nos jours* Sour / Ed. resp. A. Guillou. T. I: Nomenclature et formes; T. II: Planches par G. Ostuni // Documents et recherches sur l'économie des pays byzantins, islamiques et slaves. Vol. XIV—XV. (В печати).

прочную преемственность форм этих орудий, имевших, однако, локальные особенности, суть которых еще неясна. Рисуя кузнеца за работой, манускрипт XIV в. свидетельствует, что крестьянские орудия труда не претерпели существенного изменения. Кажется, единственный использовавшийся тогда плуг служил для вспашки легких почв; тягловой силой был бык, запряженный с помощью ярма в упряжку, с прикрепленным лемехом и рукоятью, за которую держится пахарь. Автор «Геопоник», памятника, восходящего в основном к компиляции Кассиана Басса (VI в.), в свою очередь опиравшегося на античные компиляции, рекомендует крестьянину использовать для трудных и твердых почв мотыгу и заступ. Применение этих двух инструментов не может быть истолковано иначе, как признак деградации техники; плуг отступает на второе место.

Таково положение на мелких и средних участках, которые в это время были наиболее многочисленны; конечно, на больших пространствах плугом обрабатывали и тяжелые почвы, но упряжку тащили четыре быка, что для византийского крестьянина являлось признаком большого достатка¹⁸.

Если мы обратимся, кроме того, к способам возделывания культуры винограда и оливок, а также пчеловодству, которые требуют особой тщательности и использования в работе опыта, приобретенного за долгое время, то придется признать, что в целом нам неизвестны сколько-нибудь значительные улучшения в агрикультуре. Вот пример низкого уровня урожайности зерновых по сравнению с необходимым семенным фондом: наиболее распространенные цифры — сам-три, сам-четыре¹⁹; великую радость испытал крестьянин, который в IX в. собрал урожай сам-пять²⁰.

Взаимосвязь между открытой деревней и укрепленным бургом, где жила часть крестьян данной территории, занятых также ремесленным трудом, считавшимся с IV в. их естественным занятием (обработка металла, хлебопечение, гончарное производство, сапожное ремесло, изготовление кирпича, плотницкое дело, включая строительство лодок), была юридически оформлена и объединяла собственников земли, соседей и других обитателей, в том числе связанных коллективной порукой.

Сообщество субъектов права было не только семейным; по сути, оно являлось сообществом владельцев: четверть деревенского колодца принадлежит двум жителям соседнего городка; три участка из состава земельного комплекса, принадлежащие жителю того же города, подарены им небольшому соседнему монастырьку вместе с ирригационными сооружениями, прочие земли этого комплекса остались в руках другого владельца; правами на колодец обладают шестеро племянников некоего знатного лица, но четвертая часть аналогичных прав находится у другого знатного человека и небольшого монастыря; четверо жителей деревни, из которых лишь двое — родственники, получили от соседнего монастыря восемь садов на том условии, что будут получать половину доходов, а другую выплачивать монастырю. Такой порядок коллективного держания земли объясняется автаркичностью, являвшейся основой хозяйственной деятельности семьи; отсюда по большей части — крайняя раздробленность земель, находящихся во владении общины, независимо от их размеров и от того, кому принадлежит собственность на них²¹.

Стабильность коллективов владельцев, будь то родственники или нет, обеспечивались на практике правом предпочтения, предоставлявшимся соседям при продаже имущества и именовавшимся правом преимущест-

¹⁸ *Geoponica sive Cassiani Bassi scholastici De re rustica eclogae* / Ed. H. Beckh. Leipzig, 1895. III. 2, 8; II. 23, 12—14.

¹⁹ *Todorov N. La révolution industrielle en Europe occidentale et les provinces balkaniques de l'empire ottoman // La révolution industrielle dans le Sud-Est européen au XIX siècle.* Sofia, 1976. P. 142—153.

²⁰ *Vie de S. Nicolas* / Ed. G. Anrich. Leipzig, 1913. 46. 17—47, 9.

²¹ *Guillou A. Des collectivités rurales à la collectivité urbaine // BCH.* 1976. 100. P. 317—322.

венной покупки²². Итальянский пример: Иоанн Касиф (в первой половине XI в.) купил участок с оливковыми деревьями у еврея Манаха, сына Моисея из Бари, в Бутерито, в нескольких километрах отсюда, но клирик Ромуальд смог вчинить ему иск, использовав право предпочтения, несмотря на то, что владел лишь виноградником, разбитым на общей пустоши; покупатель же заявил, что готов уступить ему приобретенное имущество, если он возместит стоимость покупки. В ходе дискуссии, происходившей в Бутерито в присутствии знатных лиц, Иоанн Касиф на упрек в неправомерном приобретении земли, сделанный Ромуальдом, ответил: «Во всяком случае, лучше было бы, если бы, купив участок, я стал соседом, чем если бы им стал чужак», — тем самым еще усилил смысл права преимущественной покупки, ибо оно гарантировало стабильность имущества лишь ближайших соседей. Однако таковая обеспечивалась также и сельским общинам²³.

Стабильность сельской общины проявлялась также в административной сфере — в коллективной ответственности за уплату налога: если сельская территория фиксировалась в имперских регистрах как фискальная община, то ее жители приобретали некоторые публичные права. в частности право на защиту в случае опасности; но на них возлагались обязанности, одинаковые для всех сельских общин в империи, из которых самой постоянной, несомненно, являлась уплата налогов и податей, установленных государством. Сумма обложения была общей, а ответственность — коллективной, взнос не дробился по парцеллам, а определялся в целом. Сущность крестьянского коллектива как субъекта права выражалась в совместной передаче имущества отдельным лицам и церковным организациям, в участии общин в выборах игуменов монастырей, под чьей юрисдикцией они находились, и в процветании доменов которых были заинтересованы, ибо те участвовали вместе с ними в уплате государственных налогов²⁴.

В социально-правовой жизни общину представляли, согласно наиболее распространеным в источниках формулам, «люди знатные, богатые, среднего достатка и малосостоятельные». «Архонты», знатные люди, именовавшиеся в документах раннего средневековья «первыми гражданами»²⁵, наследники римских муниципальных куриалов, а также «геронты» всегда вызывались в случае конфликта для того, чтобы юридически удостоверить размежевание земельных владений либо статус собственника или владельца соответственно письменному акту или вопреки ему, поскольку являлись, по словам формуляров, «теми, кои ведают», «теми, кто достоин определять», «теми, кто достоин доверия», и считались финансовыми и экономическими гарантами общины перед государством. Они составляли нечто вроде совета сельской общины. В XI в. жители укрепленного бурга Адрамерион, северо-восточнее Перистеры в епархии Лангада в Македонии, отказались внести 72 номисмы в казну, так как эти деньги причитались с земли, обработанной париками метоха афонской Лавры в Перистерере, и с части горы; гарантийный акт подписан третью обитателей²⁶.

Коллективизм византийской деревни распространялся и на совместное пользование пастбищами, расположенными в некотором отдалении от нее, — право, которое деревня могла уступать или сдавать в аренду; эти места общинного пользования часто становились предметом чьих-то притязаний, и иногда составлялись целые заговоры нескольких деревень,

²² Actes de Lavra / Ed. P. Lemerle, A. Guillou, N. Svoronos, D. Papachryssanthou. P., 1970. Vol. I. P. 99—100.

²³ De Donato V. Aggiunte al Codice Diplomatico Barese: Pergamene dell'Archivio della Cattadrare // ASP. 1974. 27. P. 210—211.

²⁴ Guillou A. Des collectivités rurales... P. 321—322.

²⁵ См., например: Guillou A. Régionalisme et indépendance dans l'empire byzantin // Istituto storico italiano per il medioevo (Studi storici, 75—76). Rome, 1969. Индекс на слово «protos».

²⁶ Actes de Lavra. Vol. I. P. 211—213.

например, с целью обложения податью крестьян других деревень, жители которых выгоняли скот на их пастбища²⁷.

В числе факторов сплочения нельзя не назвать чувство неприязни к чужакам, а также преданность человека деревне, не только чисто функциональную, но проявлявшуюся также в желании оставить по себе добрую память у земляков благодаря вкладам в главную деревенскую церковь или благодаря постройке нового культового сооружения²⁸. Единство коллективного сознания выражалось и в почитании общих мест отправления культа, лесов и камней, к которым шли для совершения религиозных церемоний в соответствующие праздники, иногда — с маленькими детьми на плечах²⁹.

Башня, стоявшая в центре деревни, «как орел, взором государя обзревавшая все вокруг», три «святых храма», посвященных Христу Спасителю, пророку Илье и великомученику Георгию, воссоздавали поэтический пейзаж деревни Петрина на Пелопоннесе, воспетой ритором Иоанном Евгеником в первой половине XV в.; она была окружена садами, полными оливковых, грушевых, гранатовых, фиговых, яблоневых деревьев, виноградниками; к ним примыкали луга, пшеничные поля, цветники, над которыми кружились пчелы; тут находились струящиеся источники. «Благоухающие плоды земли», по словам трапезундского автора, «даже лентяя призывали к труду, потому что примешивали к усталости наслаждение и прелесть, показывая, сколь различны могут быть жизненные переживания». «Что изумляет меня в этой деревне более, чем в других, — заключал автор, — за что я ее хвалю прежде всего, так это за то, что она дает людям все, в чем они нуждаются»³⁰.

ПОСТВИЗАНТИЙСКАЯ ДЕРЕВНЯ

Переходя к поствизантийской деревне, отметим, что для изучения рассматриваемых проблем сделано еще менее, чем для исследования византийской деревни, хотя масса сохранившихся источников весьма внушительна. Вопрос о континуитете или дисконтинуитете деревни нужно ставить в самых различных аспектах: климат, сельскохозяйственные культуры, их урожай, административные и социальные структуры; особого внимания заслуживает вопрос о континуитете или дисконтинуитете самого внешнего вида деревни, ее ландшафта.

Этот последний аспект, в свою очередь, предполагает множество вариантов. Между местом, оставшимся населенным со времен античности и имевшим неизменное название, и поселением, когда-либо полностью разрушенным, причем и время, и обстоятельства его гибели неизвестны, находится много промежуточных состояний, усложняющих исследовательскую работу; так, деревня, которую жители никогда не покидали, может — по причинам, зачастую уже ставшим достоянием истории, — сменить название³¹; другая, будучи разрушена или просто обезлюдена, восстанавливается неподалеку или, напротив, в отдалении от первоначального места и сохраняет свое название, во многих случаях с прибавлением определения «*neo-nio*» («новый»); нередко наименование меняется, если новое местоположение населенного пункта имеет насыщенную событиями историю. Не исключен и вариант, когда опустевшее место затем заселяется вновь и дает начало новому населенному пункту.

Мы ограничимся серией примеров, относящихся к территории Халки-

²⁷ *Guillou A.* Des collectivités rurales... P. 322.

²⁸ *Guillou A.* Dédicace inédite d'une église byzantine de Trani // *Bizanzio e l'Italia: Raccolta di studi in memoria di Agostino Pertusi.* Milano, 1982. P. 130—131; *Idem.* Une nouvelle inscription inédite de Trani // *Okeanos. Mélanges I.* Ševčenko (Harvard Ukrainian Studies). 1983. 7. P. 270—273.

²⁹ *Guillou A.* La Théotokos de Hagia-Agathe (Oppido) // *Corpus des actes grecs d'Italie du Sud et de Sicile.* 3. Vatican, 1972. N 27. P. 119—122.

³⁰ *Ekphrasis / Ed. Sp. Lampros // Palaiologeia kai Peloponnesiaka.* Athènes, 1912. I. P. 51

³¹ *Antoniadis-Bibicou H.* Villages désertés... P. 411—417.

дики: приводимые ниже данные наиболее доступны³² и апробированы.

Бабдос, наиболее высоко (938 м над уровнем моря) расположенная деревня региона, в 28 километрах от Полигироса, существовала как населенный пункт еще в римскую эпоху и продолжала сохраняться в средневековье: платан, растущий в центре деревни, может считаться самым большим на Халкидике. Галатиста (на северо-западе), происходящая от античного города Антемус, стоит на месте, населенном с «доисторических» времен; в средние века это была большая деревня, и сегодня она остается важным центром производства зерна. Олинф положил начало византийскому Мириефиту, расположенному неподалеку от него. Он вырос за счет притока сюда многочисленных беженцев из восточной Фракии и Малой Азии после 1922 г. и стал называться Неа Олинфос. Перистера — это деревня с населением в 600 человек, расположенная на холме в 38 километрах восточнее Фессалоники; местечко по соседству заселено с «доисторической» эпохи, а данное поселение — с римских времен; возможно, оно стало метохом монастыря Лавра (гора Афон) и оставалось им до XV в., безусловно, положив начало современной деревне. Деревня Пинсон, известная с IX в., — это нынешняя деревушка Писона. Полигирос, центр нома Халкидика, населенный с «доисторических» времен, находится к юго-востоку от античного города Аполлония; земли принадлежали метоху афонского монастыря Ивирон; небольшой аграрный городок, приобретший известность во времена турецкого владычества, насчитывает теперь 4 000 жителей. Резетника, деревня, разрушенная болгарами в 996 г., в источниках XV в. выступает новым городом; сейчас он называется Агиос-Продромос. Св. Мамас, наконец (в западной Халкидике), ныне — место крупных ярмарок, происходящих в начале сентября, — это деревня, известная по практикам XI в.³³

Завершим обзор, назвав несколько местечек восточной Халкидики: селение Торона, ныне заброшенное, было населено с «доисторической» эпохи до XVI в.; Сикия, известная в средневековье, — ныне самая большая деревня на полуострове Ситония; селение Иериссо, античный Аканф, возникло в «доисторические» времена, в византийскую эпоху служило резиденцией епископа; став жертвой землетрясения в 1932 г., поселок был перенесен к северо-западу от античного города; Гомату, село, известное и в средние века, — от него сохранилось несколько домов, башня и церковь, — после землетрясения было перенесено на 2 километра на другой край долины; Арнайя (Лиарингобе XIV в.) — одна из самых «динамичных» деревень современной Халкидики, известная с XVI в., была частично основана, несомненно, на землях афонского монастыря Кастамониту, в 3 километрах от развалин античного города³⁴; наконец, Сидерокавсия — селение, известное по письменным источникам с IX в., стало ядром важного турецкого горнодобывающего центра, исчезнувшего к началу нашего столетия, и современная Стагейра — не более чем воспоминание о ней³⁵.

Облик поствизантийской деревни — даже в тех случаях, когда она не существовала непрерывно с предшествующей эпохи, — не изменился или изменился мало. Площадь перед церковью, платан или дуб посреди селения, чаще всего одна-две лавки — таверны, где продавалось все, что

³² Главным образом благодаря топографическим исследованиям Ж. Лефора. См.: *Lefort J. Villages de Macédoine. Vol. I: La Chalcidique occidentale // Travaux et mémoires. Monographies. P., 1982. I*; для остальной территории Халкидики можно пользоваться небольшим путеводителем И. Аф. Папангелоса: *Χαλκιδική. Thessalonique: Malliages-Paideia, 1981*. Для всей Греции сохраняет значение работа Э. Антониадис-Бибику (*Villages désertés. . .*).

³³ *Papangelos J. Ath. Op. cit. P. 70, 121, 234, 244, 250, 263; Lefort J. Op. cit. P. 34, 64, 102, 118, 123, 127, 135, 145.*

³⁴ *Papangelos J. Ath. Op. cit. P. 156, 203, 206, 253, 258.*

³⁵ *Guillou A., Pesez I. M. Siderokausia // Documents et recherches sur l'économie des pays byzantins, islamiques et slaves / Ed. resp. A. Guillou. P., Vol. XVI (В печати).*

возможно (пандохейон), водный источник всегда находился в центре деревни, которая нигде, за исключением равнин, не приобрела продолговатой конфигурации; такая форма преваляровала вплоть до окончания войны за независимость Греции (XIX в.) только на побережье. Разумеется, почти полная неизменность типа застройки не означает, что этническая структура населения также оставалась неизменной³⁶.

Добавим, правда, на базе скорее общих впечатлений от источников, чем на основе точных данных (ибо изучение этого вопроса только начинается), что если в византийский период поселения оставались в какой-то степени рассредоточенными, то в эпоху турецкого владычества они, напротив, эволюционировали в сторону большей концентрации; это утверждение справедливо вплоть до второй половины XVIII в., а с этого времени (примерно с 70-х годов) под влиянием военных действий и прочих изменений политической конъюнктуры снова начинается «распыление» поселков.

Мы думаем, что причину тенденции к концентрации поселений, по крайней мере частично, следует искать в многочисленных опасностях, нависших над немусульманским населением со времени турецкого завоевания. В самом деле, как известно, ослабление централизованного османского государства с конца XVI—начала XVII в.³⁸ сопровождалось ростом поборов и увеличением злоупотреблений по отношению к плательщикам-немусульманам со стороны сборщиков и откупщиков налогов, а также ужесточением феодальной эксплуатации крестьян. Все эти опасности и угрозы создавали прочные узы солидарности между жителями, требовали постоянной готовности к оказанию взаимопомощи и заставляли их перегруппировываться.

Эта тенденция в развитии поселений усиливалась вследствие перемещений жителей — принципиальной политики Порты, направленной на заселение империи³⁹ и имевшей целью, в первую очередь, обеспечение обработки земли, а значит — занятие свободных территорий путем переселения христиан в горные районы⁴⁰, в особенности вскоре после завоевания. Известно, что в равнинной местности турки селились во всех городах, однако не приходится недооценивать, что часто делается, значение их расселения и в сельской местности.

Эта перегруппировка поселений имела особое значение для немусульман, поскольку усиливала чувство общности всего населения и распространяла его на сферу коллективной фискальной ответственности в эпоху, когда исчезло централизованное византийское государство (пусть даже его роль в последние десятилетия истории империи была, в сущности, фиктивной). Новый тип взаимоотношений между управляющими и управляемыми, сложившийся после завоевания, выкристаллизовался вокруг поселения — общины, которая, бесспорно существовала почти везде. В этом, как нам кажется, причина, того, что проблема воз-

³⁶ Ссылки на некоторые источники, данные которых являются основой наших соображений о поствизантийской деревне, см.: *Vakalopoulos A. Histoire de l'Hellenisme moderne*. Athènes, 1961. Т. 1. P. 19 sqq., 96 sqq.; 1964. Т. 2. P. 95—98. На греч. яз. *Idem*. La retraite des populations grecques vers les régions éloignées et montagneuses pendant la domination turque // *Balkan Studies*. 1963. 4. P. 256—276; *Antoniadis-Bibicou H. Villages désertés...* P. 411—417.

³⁸ *Mutařčieva V. De l'exploitation féodale dans les terres de population bulgare sous la domination turque au XVe siècle* // *EH*. Sofia, 1960. P. 47—48, 145—170; *Inalčik H. The Ottoman Empire: The Classical Age (1300—1600)*. 2-e ed. L., 1975. P. 41 sqq.; *Kunt M. The transformation of Ottoman Provincial Government (1550—1560)*. N. Y., 1983. P. 76, 93, 98.

³⁹ *Barkan O. L. Les deportations comme methode de peuplement et de colonisation dans l'Empire Ottoman* // *Revue de la Faculte des Sciences économiques de l'Université d'Istanbul*. 1953. II. Fasc. 1—4; *Inalčik H. Ottoman Methods of Conquest* // *Studia Islamica*. 1954. 2. P. 103—12; *Antoniadis-Bibicou H. Villages desertes...* P. 34, 343—417, 379—383; *Soulis G. Etudes Historiques*. Athènes, 1980. P. 15—175. На греч. яз.; *Beldiceanu N., Beldiceanu-Steinherr I. Recherches sur la Morée (1464—1512)* // *Süd-ost-Forschungen*. 1980. 39. S. 17—74, 48.

⁴⁰ См. примеч. 39.

ликновения общины была и остается дискуссионной, того, что она приобрела непропорционально большое значение по сравнению с реальным весом общины в жизни общества. Отметим, во всяком случае, что из трех противоборствующих гипотез (возникновение общины в античную эпоху на основе институтов автономии; продолжение византийской традиции; община как политическое и административное производное турецкого господства) ни одна не может быть принята. Как весьма удачно отметил уже Д. Закитинос⁴¹, «отличительная особенность всех этих теорий — стремление выработать единый генетический принцип. В действительности же не существовало единой общины, так же, как, с другой стороны, не существовало единой тюркокрации». Что касается нашего мнения, то мы полагаем необходимым учитывать тот факт, что турки уже имели общинные традиции⁴².

Тип взаимоотношений между центральным правительством и общиной варьировал: уровень зависимости последней от османской администрации являлся следствием статуса, данного ей Портой, официально или фактически, сразу же в ходе завоевания или несколько позднее. Экономические нужды, особенно потребность в рабочих руках и организации производства, а также, в известных пределах, административные потребности поддерживали сохранение в стране прежнего положения, в первую очередь, в аграрной сфере.

Кроме того, мусульманский принцип терпеть, уважать и даже поддерживать⁴³ монотеистические религии, учет конкретных условий захвата тех или иных поселений, вытекавшие отсюда контакты между турками и местными жителями составляли три фактора, которые вводили в определенные рамки отношение турок к завоеванному населению Греции.

Каждый город, каждая деревня или федеративное сообщество деревень, за исключением тех, которые входили в состав тимаров, имели право и могли создать общину⁴⁴. Но подтверждение старых привилегий или предоставление новых давались завоевателями не всем⁴⁵. Этими преимуществами пользовалось население общин, подчинившихся без боя, или, напротив, тех, кто сопротивлялся завоевателям с ожесточением и чьи силы, моральный дух, географическое положение представляли собой источники постоянного беспокойства для завоевателей; наконец, те общины, которые представляли особый интерес, поскольку обеспечивали производство и поступление специфической, например, особенно изысканной продукции⁴⁶.

Такой порядок стал основой организации греческой общины, ее, ставшего повсеместным с начала XVII в., развития и подъема. Он дал ей достаточные средства для того, чтобы играть определенную политическую роль. Мы вовсе не хотим сказать, что положение всех общин было одинаковым в этом плане. Первичная типология (конечно, за исключением в данном случае тех общин, которые образовались или оказались на землях тимаров, — здесь нужно иметь в виду еще и значение турецкого элемента) позволяет выделить⁴⁷ среди них три категории: первую составляют общины, юридические лица и административные объединения, находившиеся в зачаточном состоянии вследствие непосредствен-

⁴¹ *Zakythinos D.* La commune greque: Les conditions historiques d'une décentralisation administrative // *L'Hellénisme Contemporain. Nouvelle serie.* 1948. 2. P. 1—32, 23.

⁴² *Kontoghiorghis G.* Dynamique sociale et autoadministration politique. Athènes, 1982. P. 32. На греч. яз.

⁴³ *Inalçik H.* The Ottoman Empire. . . P. 7—8; *Moschovakis N.* Le droit public en Grèce, pendant la domination turque. Athènes, 1982. P. 26 sqq.

⁴⁴ Coran. XI. 5.

⁴⁵ *Pantazopoulos N.* Notes sur le sens des «Privilèges» pendant la domination turque // *Archives du Droit Privé.* 1943. T. 10; *Kontoghiorghis G.* Dynamique sociale. . . P. 52 sqq.

⁴⁶ *Kontoghiorghis G.* Dynamique sociale. . . P. 137 sqq. См. также ниже, примеч. 67.

⁴⁷ *Ibid.* P. 177 sqq; *Anghelopoulou A.* La commune grecque pendant la domination turque // *EHSS (Mémoire dactylographié).* 1976. P. 3—5.

ного присутствия османов (особенно — тимариотов), которое не позволяло чинить никаких препятствий экономическим и административным порядкам, введенным турецкими властями (так было, например, в равнинной Фессалии); вторая категория — общины, которым были предоставлены максимальные привилегии и которые добились наиболее высокого уровня самоуправления, возможного в условиях господства турок (к примеру, на территории части Пелопоннеса и Киклад), но оставались изолированы друг от друга; наконец, третью категорию составляли общины, образовавшие ассоциации или федеративные группы (как, скажем, Амбелакия — из 22 деревень, Мадемохория на Халкидике — 360 деревень, Загрохория в Эпире — 46 деревень) в районах, где присутствие турок почти не ощущалось. Эти общины, используя богатства природных ресурсов или преимущества высокой (для данной эпохи) специализации, почти всегда добивались восстановления своих привилегий и могли беспрепятственно осуществлять самоуправление.

Для того чтобы составить иную, скорее более подробную, чем сложную, типологию (в той мере, в какой мы располагаем локальными исследованиями, достаточно многочисленными и, насколько это возможно, исчерпывающими), необходимо поставить вопрос о введении дополнительных параметров, например следующих: зависит ли община от учреждения или от частного лица; ранг этого «патрона»; основное занятие членов общины; главные и второстепенные виды продукции, которую они реализуют; уровень интегрированности общины в экономическую систему Оттоманской империи; в особых случаях — политическая роль общины; время пожалования, содержание, сущность и порядок соблюдения дарованных ей привилегий и т. д. Следует заметить, что эти привилегии, которые, между прочим, предусматривали самоуправление общин и распространялись также на сферу отправления культа (посредством предоставления привилегий непосредственно церкви⁴⁸), часто содержали важные оговорки, а именно — подтверждение султаном прав собственности, предоставляемых общине или отдельному лицу⁴⁹: чаще это касалось церковной собственности, особенно собственности монастырей, а не крупных частных хозяев. «Пусть архонты, живущие на тимарах, сохраняют собственность. Пусть владеют они беспрепятственно своим наследственным имуществом, своими землями и своими промыслами», — читаем мы в *хоризме* Синан-пашы⁵⁰, документе, интересном еще и в том плане, что в нем установлено равноправие тимара и *пронии* (октябрь 1430 г.).

Здесь мы затронем весьма важный, на наш взгляд, вопрос: различие в системе земельной собственности в Византии и Османской империи — главный признак, позволяющий детерминировать собственника средств производства. Если в Византии как наследнице Рима действовало римское право, практиковавшееся в системе античной квинтской собственности или занимавшей существенное место частной собственности, то в противоположность этому в османской земельной системе полная частная собственность отсутствовала, ибо религиозные формулы шариата⁵¹ определяли, что права собственности на все земли находятся в руках аллаха, «земля принадлежит богу».

Все же аграрные отношения в Оттоманской империи регулировались сначала на основе норм обычного права (земли *мюлька* и *вакфа* в Отто-

⁴⁸ Konortas P. Les rapports juridiques et politiques entre le Patriarcat orthodoxe de Constantinople et l'administration ottomane de 1453 à 1600: d'après les documents grecs et ottomans. Thèse, Univ. Paris I. P., 1985.

⁴⁹ Anghelopoulos A. La commune grèque. . . P. 395.

⁵⁰ Amantos C. La reconnaissance de la part des Ottomans des droits religieux et politiques des Chrétiens et l'horismos de Sinan-Pasha // Epirotika Chronika. 1930. 5. P. 197—210.

⁵¹ Amantos C. Relation grecs et turcs; du XI siècle à 1571. Athènes, 1955. P. 92—94; *Idem*. Les horismoi des privilèges des Musulmans en faveur des chrétiens. Hellenikà, 1936. 9. P. 103—166; Vakalopoulos A. Histoire. . . I. P. 202, 214—215; Inalcik H. The Ottoman Empire. . . P. 19; *Idem*. Ottoman Methods of Conquest. . .; Antoniadis-Bibicou H. Villages désertés. . . P. 382 (приведены выдержки из некоторых источников).

манской империи — формы полной собственности, когда бенефициарий пользовался практически всеми ее прерогативами и нес все вытекавшие отсюда обязанности): границы между фактическим владением и собственностью в юридическом смысле отличались неопределенностью. Правда, в тимариотской системе крестьянин считался «наследственным и бессрочным держателем земли, на которой он работает»⁵², но тимар не был наследственным, он являлся прекарием, подлежащим возврату, так что тимариот воспринимался в качестве промежуточного агента между единственным собственником — султаном и массой непосредственных производителей.

Обработка одних и тех же почв в ситуации, когда земли обладали различным юридическим статусом, приносила крестьянским семьям различные доходы. Это способствовало дифференциации крестьян — социальной и функциональной — в общине. Архонты (*прухонты, проэсты, коджабаши*), находившиеся на вершине социальной и административной пирамиды общины, в принципе принадлежали к классу богатых земельных собственников. Между тем самая главная обязанность, возложенная Портой на советы общин, что имело важные социально-экономические последствия, состояла в раскладке налогов по семьям и сборе этих налогов, а также в обеспечении барщины и выполнении других повинностей, лежавших на общине. Как мы знаем⁵³, каждый раз, когда центральная администрация вводила, к примеру, новый налог (а это случалось один или два раза в год), она направляла местному кади документ, где значилась сумма, причитавшаяся с жителей; затем представители *райи* (коджабаши — у христиан, айяны — у мусульман) собирались в его конторе, где и производили раскладку названной администрацией суммы между различными деревнями сообразно их экономическим возможностям.

Ничто не дает нам права думать, будто архонты (коджабаши) не отягощали самых бедных членов общины. Напротив, многочисленные свидетельства показывают, что крестьяне скромного достатка подвергались притеснениям со стороны своих единоверцев, которые следовали примеру турецких динатов⁵⁴. Систематическое издание султанами фирманов в поддержку «бедной и незащищенной райи» — важное, пусть и косвенное тому подтверждение, ибо, как показал анализ, архонты «оставались промежуточным слоем, ответственным за проведение в жизнь официальной политики в общинах и в то же время теми, кто формально представлял оттоманским властям пожелания подданных...». Архонт воспринимался как «выразитель (*ekphrastes*) общественного мнения и хранитель общинной законности и соответственно законности оттоманской»⁵⁵. Двойственность его политической роли до сих пор не выяснена; хотя еще один из деятелей войны за независимость Греции, Фотакос, отмечал, что «коджабаши, или прухонты, не избирались населением, как некоторые пишут и говорят. Они составляли группу, единую по своим интересам по отношению к общине. Они действовали, удовлетворяя аппетиты турок, и это занятие приносило им выгоду — освобождение от повинностей и налогов. Обманывая турок, они, получая сотню монет, вносили в казну двадцать пять»⁵⁶.

Классовая борьба внутри общины во время турецкого владычества есть несомненная реальность, что, впрочем, не ослабляло интенсивности

⁵² Histoire du sous-développement en Turquie. Istanbul, 1971. P. 50. На турецк. яз., согласно Мехмету Атесу: Problèmes d'histoire agraire pendant les premiers temps de l'Empire Ottoman // EHESS. Mémoire dactylographié. 1980. P. 18—23.

⁵³ Dimitriadis V. Catégories fiscales des villages de Thessalonique pendant la domination turque (Makedonika. 1980. 20. P. 432—433. На греч. яз.).

⁵⁴ Andreades A. L'administration financière de la Grèce sous la domination turque // Erga. Athènes. 1938. T. I. P. 675—720; Kondatos J. Histoire du mouvement agraire en Grèce. 6-e ed. Athènes, 1973. P. 41—59. На греч. яз. Kontoghiorghis G. Dynamique sociale. . . P. 299—316.

⁵⁵ Kontoghiorghis G. Dynamique sociale. . . P. 33.

⁵⁶ Photakos Th. Mémoires sur les Révolution Hellénique. Athènes, 1899. T. I. P. 32—33.

борьбы народа Греции за национальное освобождение. Если экономические и внеэкономические факторы оживляли антагонизмы в общине, то все же она лишь в ничтожной степени потеряла свою спаянность перед лицом турок. Ее цементировали общее стремление обеспечить себе приемлемый уровень административной автономии и чаяния национального освобождения. Тем не менее антагонизмы были достаточно острыми, а положение крестьянства оставалось сложным и непрочным; знатные лица всегда стремились получить максимум дохода, а финансы общины всегда должны были находиться в цветущем состоянии. Только при этом условии они в состоянии были соответствовать двум главным целям: с одной стороны, обеспечивать нужды завоевателей на том уровне, какой они считали необходимым для сохранения общине прав самоуправления; с другой — отвечать общественным нуждам. Вот почему накопление богатств являлось первостепенной экономической задачей каждой общины — производительницы благ как для себя, так и для центральной администрации.

Главным занятием, в сфере которого достигались эти цели, была агрикультура. При нынешнем состоянии наших знаний вряд ли можно утверждать, что со времени падения Византийской империи и до первых десятилетий XX в., когда сформировалась территория новогреческого государства и началась фаза модернизации, в агрикультуре произошли сколько-нибудь значительные изменения. Климат со времен классической древности в целом сохранился в неизменном виде. Несмотря на вероятные климатические колебания (в частности, похолодание в XVII в.), температурные условия не слишком переменялись, растительность и лесной покров также остались прежними⁵⁷. Земля, где необходимо ежедневно ухаживать за полями, что люди и делают ценой огромных усилий; поля, часто расположенные на неподатливых склонах гор⁵⁸; раздробленные, рассеянные земельные владения, часто состоящие из отдаленных друг от друга клочков земли, впрочем, удаленных также и от семейного очага, так что если можно говорить о крупной собственности, то очень редко можно говорить о крупных доменах; наконец, земля, продуктивность которой почти нельзя интенсифицировать.

Перейдем к теме, являющейся, на наш взгляд, важной, поскольку речь идет о стране с экстенсивным производством; мы имеем в виду подъем нови. Для ответа на этот вопрос мы располагаем лишь скудной информацией, точнее, ее спорадическими «проблесками»: VII в., когда в Греции осели славяне; XIV в. — время албанских миграций на территории Пелопоннеса; Морея с 1715 года⁵⁹ до начала «второй тюркократии». И даже относительно XIV в., когда прирост населения, естественно, должен был побудить к возделыванию целинных земель⁶⁰, мы не можем утверждать ничего определенного. Вполне вероятно, что нехватка пригодных для обработки земель в такой стране, как Греция, около 70 % территории которой занимают горы разной высоты, должна была приводить к диспропорции расходов на подъем нови и первичную культивацию земли по сравнению с ожидавшимися доходами. Притом территория, пригодная для обработки, сокращалась еще и в результате применения севооборота — двухлетнего в Византии и чаще всего трехлетнего — в Османской империи⁶¹.

⁵⁷ *Parain Ch.* La Méditerranée: Les hommes et leurs travaux. P., 1936. P. 25; *Philippson A.* Das Klima Griechenlands. Bonn, 1948; *Braudel F.* La Méditerranée et le monde méditerranéen à l'époque de Philippe II. P., 1949. P. 214 sqq.; *Bizot J., Dresch P.* La Méditerranée et le Moyen Orient. P., 1956. T. I. P. 45, 69—71, 79; T. 2. P. 57; *Le Roy Ladurie E.* Histoire du climat depuis l'an mil. 2-e ed. P., 1983. T. 2. P. 12—13, 29, 50, 94.

⁵⁸ *Braudel F.* La Méditerranée. . . P. 21.

⁵⁹ *Zographos D.* Histoire de l'agriculture grecque. Athènes, 1976. T. I. P. 35.

⁶⁰ *Asdrachas S.* Sociétés rurales balkaniques, aux XVe—XVIe siècles: mouvements de la population et des revenus // *EB.* 1977. N 2. P. 49—66, 53—54.

⁶¹ *Parain Ch.* La Méditerranée. . . P. 123—124. Напомним в связи с этим, что даже сравнительно недавно, в годы второй мировой войны, в Аркадии (епархия Горти-

Однако в случае катастрофы крестьянин покидал свой дом с большей готовностью, чем свое поле, которое часто было всего лишь возделанной террасой; почва обладала большей «сопротивляемостью», чем деревенские постройки: «*égrémon-kalliergoouménon*» («пустынная, но обработанная») — сочетание, которое в одной публикации, появившейся в 1851 г., часто сопутствует названиям заброшенных деревень⁶². В самом деле, в стране чабреца и камня легче было бросить разрушенный дом и построить невдалеке новый из того же камня, чем расчистить место, где стоял старый, с тем, чтобы его восстановить.

Еще в первые десятилетия XX в. крестьянин продолжал работать простыми и архаичными сельскохозяйственными орудиями, ограничиваясь использованием силы домашних животных и традиционным плугом, запряженным быками⁶³. К сожалению, для Византийской империи и поствизантийской Греции мы не располагаем трудами, аналогичными работам, посвященным агрикультуре Западной Европы (Ш. Парэн и др.). Технические нововведения еще не могут быть выявлены, и поэтому столь важна будет публикация первых результатов крупной коллективной работы — справочника об эволюции орудий труда на Балканах, подготовляемого под руководством А. Гийу⁶⁴. Впрочем, нельзя забывать о рудиментарном уровне обработки земли крестьянами в отдаленных и изолированных деревнях, расположенных на высоких горах Греции. уровне, который сохранялся еще накануне второй мировой войны.

Имеются также все основания для того, чтобы констатировать прочную стабильность в сфере производства. Наряду со злаками (пшеница, ячмень, овес, рожь), которые занимали главное место в земледелии, что позволяло крестьянину обеспечивать хлебом свою семью, выращивались виноград, оливковые, фиговые деревья, тутовник и др. (виноград выращивался и вкупе с другими культурами и отдельно⁶⁵, зерновые часто сеялись под оливковыми деревьями). Все это могло обеспечить общине экономическую автаркию, что, однако, на практике встречалось довольно редко. Пожалуй, невозможно засвидетельствовать никаких нововведений, за исключением маиса, полученного распространение в XVI в. и приносящего большой доход преимущественно в наиболее влажных или легко орошаемых районах, и картофеля, появившегося в первые десятилетия XIX в.

Зато прогрессировало⁶⁶ возделывание традиционных культур, к примеру технических оливок, и производство изюма; иногда это происходило в ущерб зерновым; показателен, в частности, регресс зерновых в восточной Фессалии в начале XVII в., в эпоху расширения ассортимента культур. В то же время у отдельных общин намечалась известная специализация: наряду с Мадемохорией на Халкидике или деревнями на Хиосе, где производили мастику (Мастикохория), существовали деревни — производители соли (Халатохория): на Халкидике их было девять (три деревни с христианским населением, одна — турецкая и пять смешанных); соляные варницы принадлежали государству, которое обладало соляной монополией и поэтому забирало себе всю продукцию⁶⁷.

ния) сухие почвы оставались невозделанными по 4 года и даже по 5 лет, ибо были совершенно истощены.

⁶² *Notara A., Charlampous C.* Collection contenant la constitution les réglements des corps législatifs, les devoirs des préfets et des éparques et la division de l'Etat en nomes, éparchies et démes. Athènes, 1851. P. 326, 359, 361, 377.

⁶³ *Parain Ch.* La Méditerranée. . . P. 140—141.

⁶⁴ Для Западной Европы см.: *Parain Ch.* Outhils, Ethnies et developpement historique. P., 1979; см. также: *Ethnologie et Histoire.* P., 1975.

⁶⁵ *Parain Ch.* La Méditerranée. . . P. 136—137.

⁶⁶ *Zographos D.* Histoire de l'agriculture. . . Т. I. P. 38 sqq. Изготовление изюма распространилось преимущественно от Ахайи до Занте в XV в., а в целом по Пелопоннесу — с начала XVII в. См. также: *Moskof C.* La conscience nationale et sociale en Grece. Athènes, 1978. P. 56, 57, 62.

⁶⁷ *Dimitriadis V.* Op. cit. P. 427—431.

Наряду с этими «добавочными» культурами и промыслами⁶⁸, продукцию для самообеспечения, объективно желательного, но, очевидно, не всегда достижимого, поставляли скотоводство и сельское ремесло. Продукты ремесла, развитого в недостаточной степени, не всегда покрывали потребности крестьян, которые обменивали излишки сельскохозяйственной продукции или покупали недостающие товары за деньги; зато в некоторых бургах и деревнях имело место нечто вроде ремесленной специализации и развивались такие ремесла, как текстильное, строительное, обработка дерева, камня, металлов и т. д., — традиция, которая зачастую удержалась вплоть до настоящего времени⁶⁹. Кузнец, медник, плотник, сапожник и, в первую очередь, ткач работали в деревне; кроме некоторых случаев изготовления тканей⁷⁰, мы можем лишь строить гипотезы относительно годных для продажи излишков продукции общины, приносивших дополнительный доход крестьянской семье, которая чаще всего жила на уровне, близком к прожиточному минимуму.

В сущности условия жизни крестьянина-христианина были мало завидными. Крестьяне составляли наибольшую часть населения греческих областей, и мелкое семейное владение было господствующим в аграрной сфере. При этом крестьянин должен был сдавать⁷¹ по крайней мере от 35 до 40 % своей продукции в счет уплаты налогов и податей (17—18 % — в качестве фискальной повинности государству, от 12 до 14 — в виде феодалной ренты, 3 % — церкви в соответствии с обычным правом), — и это, не считая налогов с доходов от производства других культур, от скотоводства и т. д. Нужно добавить к этим расходам семенной зерновой фонд, составлявший в среднем 20 % (1 : 5). Оставалась, таким образом, лишь часть зерновой продукции, достаточная для того, чтобы обеспечить прожиточный минимум как условие воспроизводства крестьянской семьи, уровень которого оценивается в 25—26 % урожая.

Доход приносил лишь крупный домен⁷² или собственность, свободная от налогов: два варианта, которые в византийский период в большинстве случаев были идентичны.

* * *

В настоящем исследовании мы попытались поставить несколько фундаментальных проблем, связанных с изучением византийской и поствизантийской крестьянской общины и проследить если не ее преемственность, то хотя бы ее неизменность за длительное время: почти полное отсутствие перемен в климате, в геоморфологии страны, в технике аграрного производства, небольшие изменения в ассортименте культур и в их доходности⁷³. Приведенные факты свидетельствуют не только о стабильности положения на части греческих территорий в течение 20 столетий, но и о том, что до последней четверти XIX в. способ производства не претерпел здесь крупных изменений. И все же, исключая первую половину XVII в., когда, с одной стороны, османское государство начало слабеть, а с другой — завоевание регионов, входивших в состав Византийской империи, было почти закончено, на протяжении всего этого дли-

⁶⁸ *Moskof C.* Op. cit. P. 62—68; *Asdrachas Sp.* Mécanisme de l'économie agraire pendant la domination turque (XVe—XVIe siècles). Athènes, 1978. P. 124—125.

⁶⁹ *Loukatos D.* Introduction à la laographie hellénique. Athènes, 1977. P. 170—178; *Papadopoulos St.* L'art du cuivre en Grèce (1900—1975). Nauplie, 1982; *Imellos S., Polymérous-Kamilaki C.* Vie matérielle traditionnelle du Peuple grec. Questionnaire. Athènes, 1983. P. 185—281; *Svoronos N.* La vita in villaggio. . . Not. 12.

⁷⁰ См. об этом диссертацию М. Стаматьяниоулу: *Société rurale et industrie textile: Le cas d'Ayia en Thessalie ottomane (1780—1810)*, защищенную в 1984 г. в Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales (Paris), и дипломную работу, защищенную в 1984 г. в Ecole des Sciences Politiques в Афинах (на греч. яз.): *Nicolopoulos E.* Ambelakia de Thessalie: Façonnement de la formation sociale hellénique (1770—1820).

⁷¹ *Svoronos N.* Remarques sur les structures économiques del' Empire byzantine, au XIe siècle // *Travaux et Memoires.* 1976. 6. P. 58—63.

⁷² *Ibid.* P. 61; *Asdrachas Sp.* Mécanismes. . . P. 224—225.

⁷³ *Svoronos N.* La vita in villaggio. . . Not. 12.

тельного периода, отмеченного крайне незначительными сдвигами, «человеческий элемент» подвергался перемещениям, а государственная экономика зависела от целой группы объективных факторов. Что касается собственно сельской общины, то ее «оперативное значение» было обратно пропорционально политической, административной, экономической силе государства.

Дальнейшие исследования в этом направлении, без сомнения, потребуют не только полидисциплинарного подхода, тесно связанного с их организацией и координацией, но также «изменения стиля», в соответствии с которым мы вплоть до последнего времени ставили множество проблем, и обогащения самой тематики, пересмотра известных источников, интенсификации работы по вводу в оборот новых источников, усиления активности в сфере сотрудничества между исследователями, научными учреждениями, странами.

Другой аспект этой работы, как и любого исследования конкретно-исторического характера, — практическое приложение выводов, полученных в ее результате. В этом смысле исследование истории сельской общины представляет интерес хотя бы с точки зрения поиска подходов к решению таких вопросов, как использование земель, самоуправление общин, техника работы, производственные взаимоотношения, товарищества, соотношение локальной, национальной и интернациональной культур и т. д.

Под воздействием этих факторов ремесло историка, становящееся в конце XX века все более трудным, но и более интересным, бесспорно «повышается в цене».